

Виктория Герасимова

ВЛАДИМИР КАЛЛИГРАФ:

**КРЕЩЕННЫЙ ЕВРЕЙ В ЦЕРКОВНОЙ
ИЕРАРХИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК
261.1

The article is devoted to one of the least investigated aspects of the Russian-Jewish mutual relations, i.e. to participation of Christian Jews in the Orthodox church life in the early Modern times Russian Empire. The author focuses on one figure, Vassily Krizhanovsky, a Jew who was baptized in 1716 and got name Vladimir Kalligraf as a monk. His biography is a unique source for study of such key issues as adaptation to and integration of neophytes of Jewish origin in the Russian socio-cultural environment, the Orthodox intellectuals' and representatives of the state power perception of such neophytes.

Ключевые слова: евреи в России; переход в православие; Владимир Каллиграф; антииудаизм и антисемитизм.

Key words: Jews in Russia; change from Judaism to Orthodox Christianity; Vladimir Kalligraf; anti-Judaism and anti-Semitism.

E-mail: gerasimova@bk.ru

Представители православного духовенства не раз выступали в качестве основных противников еврейского присутствия в России. Угрозу «жидовства» видели не только в самих иудеях, но и в сектантах, католиках, раскольниках. Однако переход иудея в христианство, очевидно, существенно менял «имидж» еврея в глазах представителя церкви. Именно этим, на наш взгляд, может объясняться участие выкрестов в делах православной церкви как русской, так и украинско-белорусской.

Карьера крещеных евреев на религиозном поприще до сих пор не рассматривалась исследователями систематически. Между тем включение крещеных евреев в общее интеллектуальное поле православной культуры России представляется нам крайне важным аспектом в рассмотрении таких проблем, как антисемитизм и антииудаизм в православной культуре Российской империи. Выбор неопита в пользу духовной карьеры указывает нам на степень его погружения в христианство, готовность не просто принять новые ценностные установки, но и вступить в ряды религиозных интеллектуалов. С другой стороны, факт принятия крещеных евреев в среду православных церковных деятелей свидетельствует о существовании благоприятной адаптивной ситуации (потенциальной толерантности окружения в отношении адаптанта).

Фигура крещеного еврея в рядах церковных деятелей обычно связана непосредственно с иудео-христианской религиозной полемикой. Крещеные евреи в средневековой Западной Европе не раз выступали в качестве обличителей и ярых противников иудаизма. Наиболее известной фигурой выкреста-«обличителя» в Польше стал крещеный еврей, бывший литовский раввин, Ян Серафинович¹. Именно он выступил экспертом со стороны обвинения в Сандомирском деле 1710 года². Се-

¹ *Вопрос о том, насколько добровольно и по каким причинам Серафинович принял католичество, до сих пор остается спорным (Подробнее см.: Doktor J. Konwertyta mimo woli. Sprawa rabina ziemskiego Litwy Samuela ben Jaakowa // Jewish History Quarterly (Kwartalnik Historii Żydów). 2007. №3. P.271–284).*

² *Польский Сандомир стал местом возникновения двух кровавых наветов в 1698 и в 1710–1713 гг. Последнее дело велось при активном участии Стефана Жуковского (Stefan Żuchowski), архидиакона и инквизитора города. Впервые в расследование по обвинению евреев в ритуальном убийстве было вовлечено верховное католическое духовенство. Другой особенностью этого процесса стало участие в нем крещеного еврея Яна Серафиновича.*

рафинович сыграл существенную роль в распространении мифа о кровавом навете, и выступал не только на суде, но и как писатель.

Кровавый навет в Сандомире. Изображение в городском кафедральном соборе.
Сохранилось до настоящего времени.

Сочинения Серафиновича, принявшего католичество в первой четверти XVIII века, до сих пор не были найдены. Исследователи предполагают, что все экземпляры этого чрезвычайно опасного и провокационного текста, свидетельствовавшего якобы об употреблении евреями христианской крови, могли быть уничтожены самими евреями. Нами обнаружен небольшой фрагмент или краткое содержание некоего сочинения под названием «Сознание окрещенного раввина, первоначалствующего над прочими раввинами в княжестве Литовском, которой после же зостал езуитом»³. Текст вошел в состав рукописного сборника православных проповедей и религиозных текстов, датируемых второй половиной XVIII столетия, и хранился в библиотеке Софийского собора в Киеве⁴.

³ *Институт Рукописи Национальной Библиотеки Украины (далее – ИР НБУ). Ф.312. №499. Л.348–349.*

⁴ *Сам сборник до того, как он попал в Институт Рукописи НБУ, хранился в библиотеке*

Текст представляет собой что-то вроде аннотации или предисловия к книге, которую обещает подготовить Серафинович. В конце автор дает присягу, что «о больших мучительствах за божиею помощью в книзе моей опишу, откуда будет дополнейшее наставление, на котором свидетельстве моем и на тех собственных пунктах присяги»⁵, а также называет дату и место написания этого маленького сочинения – сентябрь 1724 г., Сандомир. Всего на трех оборотах Серафинович подробно излагает процесс умерщвления христианских детей, сознается, что сам, будучи раввином, замучил двоих. Кроме того, бывший раввин перечисляет некоторые способы применения христианской крови в магических целях⁶. Причины написания столь опасного для бывших соплеменников сочинения неизвестны. Польский исследователь Я.Доктур полагает, что причина столь яркого противостояния заключалась в конфликте и жажде мести Серафиновича евреям⁷. Польский католический священник Гаудентий Пикульский в своем сочинении «Злость жидовская», впервые опубликованном в 1759 году, активно ссылался на некий не дошедший до нас труд Серафиновича, откуда, по словам Пикульского, и была почерпнута «достоверная информация» о злодеяниях евреев⁸.

Однако в российском контексте – в отсутствие «реальных» евреев – конфронтация с ними, как и полемика, и миссионерская деятельность в их среде, была менее актуальна, хотя многие выпускники Киевской академии впоследствии получили назначения в православных приходах Речи Посполитой. Крещеные евреи в российской православной церкви становились органичной частью сообщества и выполняли те же функции, что и иерархи русского или украинско-белорусского происхождения. Мы обнаруживаем выкрестов еврейского происхождения среди священства, монашества, а также в среде религиозной интеллектуальной элиты.

Обвинение, адресованное московской церкви, в нетерпимости к крещеным евреям-православным деятелям, высказанное В.Ничик, на наш взгляд, не обосновано. Украинская исследовательница предпо-

Киево-Софийского собора.

⁵ *ИР НБУ. Ф.312. №499. Л.349.*

⁶ *Содержание этого сочинения нуждается в публикации и детальном анализе.*

⁷ *Doktór J. Op. cit. P.279–280.*

⁸ *Сочинение Пикульского было известно и православному духовенству. В частности, перевод, выполненный предположительно в начале XIX века, также был обнаружен нами в фонде Киево-Софийского собора (ИР НБУ. Ф.312. №472).*

жила, что в основе конфликта, произошедшего в 1689 году между Иннокентием Монастырским (игуменом Кирилловского монастыря в Киеве) и московским духовенством, лежал антисемитизм, поскольку игумен оказался «родом жидовин». В.Ничик пишет: «...в тот период ментальность украинцев и россиян уже сильно отличалась, особенно в том, что касается толерантности в отношении людей иной веры и этнического происхождения»⁹.

Однако нам представляется неправомерным говорить об «украинской» и «российской» ментальности в данном контексте. Примеры агрессивного антииудаизма, нехарактерного для московского православия, мы видим, в частности, в сочинении современника Иннокентия Монастырского Иоанникия Галятовского¹⁰. Более того, корни конфликта, случившегося в Москве, на наш взгляд, стоит искать в разногласиях между точками зрения на сугубо догматический вопрос о времени пресуществления святых Даров, который по-разному решался представителями украинского и русского духовенства. Возникший конфликт и стал причиной конфронтации, а еврейское происхождение представителя украинской стороны было использовано в качестве пункта обвинения¹¹.

⁹ Ничик В. Симон Тодорський і гебраїстика в Києво-Могилянській академії. К.: Видавничий дім «КМ Академія», 2002. С.23.

¹⁰ См.: Галятовский И. Мессия Правдивый Иисус Христос, сын Божий от початку света чрез все веки людям от Бога обещанный и от людей ожидаемый... жидови неверному розными знаками о Мессии написанные и на Христе выполненными. К., 1669. – О сочинении Галятовского существует весьма обширная литература (Критикус [С.М.Дубнов]. Литературная летопись. Южнорусское духовенство и евреи в XVII веке // Восход. 1887. Кн.IV. С.1–14; Шпирт А.М. Этноконфессиональные отношения на восточных землях Речи Посполитой в середине XVII века (христианско-еврейские отношения) Дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. С.20–29, 245–310; Brogi-Bercoff G. Христианское и иудейское мессианство в «Мессии праведном» Иоанникия Галятовского // Jews and Slavs. Jerusalem; Sophia, 2006. Vol.18. P.75–85).

¹¹ Те же московские власти рассматривали кандидатуру Иннокентия Монастырского как потенциального преподавателя школы в Москве в 1682 году. Характеристики Монастырского были весьма лестны: «...подобен им в учености и ревности к православию, за которое страдал даже до смерти, игумен люблинский Иннокентий. Последний, если будет воля Государя, готов послужить святой православной вере» (Цит. по: Харлампович К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т.1. С.399–400).

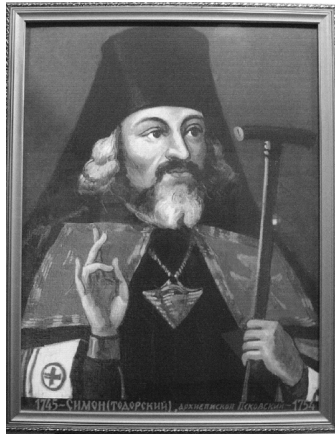
Иннокентий Монастырский (слева) и Иоанникий Галаятовский (справа). Неизвестные художники.

Заметим также, что обвинения в жидовстве были широко распространены, и поиски еврейских корней оппонентов частенько занимали противоборствующие стороны¹².

Однако это вовсе не означало, что московское православие как некое целое было агрессивно настроено ко всем крещеным евреям. Едва ли в столь агрессивно настроенном окружении могла родиться идея обучения иконописному (!) мастерству крещеного еврея Ивана Дементьева Башмакова. Его учителю, Симону Ушакову, предписывалось: «...иноземца, который, забыв жидовскую веру, и поискал благочестия, и крестился, учил иконному письму с великим радением и тем ему работу свою объявил, чтоб и оные иноземцы, смотря такую государскую милость, к благочестию приступали»¹³.

¹² Еврейская тема то и дело всплывала в дискуссии между старообрядцами и никонианами. Так, обе стороны считали собор 1666–1667 гг. «еврейским сборищем», а в официальном постановлении собор обвинял своих противников в том, что они стали жертвами «лживых еврейских словес» (См.: Биллингтон Дж.Х. *Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры*. М., 2001. С.201). Церковный собор 1666–1667 гг. также называли «большим собором». Кроме суда над Никоном, собор известен установлением многих канонических норм и началом активной борьбы со старообрядчеством.

¹³ *Словарь русских иконописцев XI–XVII веков* / Ред.-сост. И.А.Кочетков. М.: Индрик, 2003. С.81–82.

Симон Тодорский.
Неизвестный художник.

Центром интеллектуальной жизни Украины со второй половины XVII века стала Киево-Могилянская коллегия (а с 1701 г. академия). Будущие студенты стекались в Киев со всех уголков России и соседних государств, вне зависимости от происхождения. Основным критерием отбора (кроме способностей) было православное вероисповедание. Об этом гласит грамота, выданная Петром I киевскому митрополиту Варлааму Ясинскому от 26 сентября 1701 г., предписывающая учить «детей российскаго народа всяких чинов и из иных стран приходящих, благочестивой Грекороссийской веры ревнителям»¹⁴. В связи с этим весьма странным выглядит

упоминание об обучении в киевской академии детей раввинов, о которых пишут З.Хижняк¹⁵ и вслед за ней В.Ничик и И.Туров¹⁶. Очевидно, речь все же шла о евреях, обращенных в православие.

Крещеные евреи действительно имели право обучаться и преподавать в академии. Интеллектуальная карьера нередко привлекала выкрестов еврейского происхождения¹⁷. В 1736 году среди учеников академии по классу поэтики оказался «з Польши з города Межибожа перехрист»

¹⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 26 сентября, 1701 г. №1870.

¹⁵ Хижняк З.И. Киево-Могилянская Академия. К., 1988. С.151–152; Нічик В. Симон Тодорський і гебраїстика... С.18. С.Тодорський – православний гебраїст і придворний проповідник.

¹⁶ Туров И. Ранний хасидизм: история, вероучение, контакты со славянским окружением. К., 2003. С.183.

¹⁷ О крещеных евреях-интеллектуалах в Западной Европе см.: Carlebach E. Converts and Their Narratives in Early Modern Germany. The Case of Friedrich Albrecht Christiani // Leo Baeck Institute Year Book. 1995. №40. P.65–83; Cohen J. The Mentality of the Medieval Jewish Apostate: Peter Alfonsi, Hermann of Cologne, and Pablo Christiani // Jewish Apostasy in the Modern World / Ed. By Todd Endelman. N.Y., 1987. P.20–47. – Я.Голдберг также приводит примеры карьеры евреев в интеллектуальной сфере (Goldberg J. Ha-mumarim bemamleket Polin-Lita. Yerushalayim, 1985. P.66–67).

Василь Крижановский двадцати лет¹⁸. Его способности оценивались преподавателями как «изрядные», что свидетельствовало о высоком качестве подготовки молодого человека на фоне остальных студентов. Личные сведения об этом человеке на этапе его обучения и начала преподавания, к сожалению, не полны. Известно, что родился Крижановский в 1716 году в Меджибоже, Летичевского повета Подольского воеводства¹⁹. На протяжении всего периода обучения Василь Крижановский демонстрировал успехи: в ведомости учеников по классу философии за 1740–1741 учебный год рядом с именем неопита стоит пометка «зело преблагонадежен»²⁰. Очевидно выдающиеся способности и привели Крижановского в преподавательскую деятельность. По окончании обучения неопит принял монашество с именем Владимир Каллиграф и приступил к работе в академии²¹.

Киевская академия была поставщиком кадров для всей Российской империи. Преподаватели, проповедники и миссионерские деятели, архимандриты, игумены и настоятели – ученики академии получали назначения в самые разные уголки страны²². В 1755 году Московская академия запросила из Киева преподавателя богословия и префекта (в одном лице) и проповедника. На должности преподавателя и префекта должен был быть направлен архидиакон Манассия Максимович; однако вместо него отправили Владимира Каллиграфа, с которым поехал Ириной Братановский в качестве проповедника²³. Приступить к исполнению обязанностей Влади-

¹⁸ ИР НБУ. Ф.160. №172. Л.6.

¹⁹ *Киево-Могилянська академія в іменах. XVII–XVIII ст. Енциклопедичне видання. К.: Видавничий дім «КМ Академія», 2001. С.294.*

²⁰ ИР НБУ. Ф.160. №172. Л.58.

²¹ *Смена фамилии представляется нам не попыткой избавиться от указания на неопитское происхождением, а способом избежать путаницы с однофамильцем, также крещеным евреем Константином Крижановским (Подробнее о нем см.: Киевско-Могилянська академія в іменах. С.295).*

²² *Подробнее о значительном украинском (малороссийском) культурном влиянии на великороссийское общество второй половины XVII – XIX века см.: Харламович К.В. Указ. Соч. Т.1; Saunders D. The Ukrainian Impact on Russian Culture, 1750–185. Edmonton, 1985. – В период с 1700 по 1762 г. выходцы из Малороссии и Белороссии занимали 55% должностей в высшей церковной иерархии России, на долю великороссов приходилось менее 40% (См.: Западные окраины Российской империи. М.: Новое Литературное Обозрение, 2006. С.49).*

²³ *Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф.796. Оп.38. Д.341.*

миру Каллиграфу удалось лишь в следующем учебном году, поскольку он сломал в дороге ногу и был направлен для лечения и реабилитации в Донской монастырь. Однако в должности преподавателя богословия (а также философии, риторики, пиитики) и префекта Московской академии крещенному еврею удалось пробыть недолго.

21 июля 1757 г. Владимир Каллиграф произнес публичную проповедь по случаю празднования дня иконы Владимирской Божьей Матери в одноименной церкви²⁴. Содержание проповеди вызвало весьма неоднозначную реакцию православного духовенства. Рассмотрение дела проводила Московская синодальная кантора²⁵, а затем Синод. Проповедь префекта Московской Академии – крещеного еврея Владимира Каллиграфа – представляет собой ценнейший источник, позволяющий реконструировать мировоззрение автора. Основная идея проповеди состояла в призыве к активному служению Богу, а не механическому исполнению обрядности: «...различные суеверия вымышляя, а наипаче на св. угодников Божиих, на иконы их, на Богоматерь всю надежду полагая, о живой и спасительной во Христа вере, о добродетельном богоугодном житии и подумать не похотят»²⁶. Противопоставление этической и обрядовой стороны служения не было оригинальной мыслью Владимира Каллиграфа.

Источником для такого понимания веры были, возможно, слова пророка Исая: «К чему Мне множество жертв ваших? говорит Господь. Я пресыщен всесожежениями овнов и туком откормленного скота, и крови тельцов и агнцев и козлов не хочу» (Ис.1:11). И далее: «Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите – и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю; если будут красны, как пурпур, – как волну убелю» (Ис.1:16-18).

Слова проповедника были направлены против «безбожников, натуралистов, идолопоклонников»: «пускай другой природным своим

Л.39–39 об.

²⁴ Опыт проповедника Каллиграф приобрел, будучи преподавателем Киевской Академии. В Институте Рукописи сохранились два образца его проповеднической деятельности (См.: Слово в день архистратига Михаила и фрагмент Слова в день Рождества пресвятой Богородицы // ИР НБУ. Ф.301. №305. Л.108, 182).

²⁵ К сожалению, дело не обнаружено в фонде Московской синодальной канторы.

²⁶ РГИА. Ф.796. Оп.38. Д.341. Л.5 об.

умишком хвастает, будто ему во Христе никакой нужды нет, да придет неминуемо время, когда принужден он будет вечно гореть. Пускай иной в идолах и в ложных своих богах помощи ищет, да в страшный оный последний день никакой пользы не същует»²⁷. Автор активно использует просторечную лексику («теперича», «слыш», «умишко»), многочисленные пословицы²⁸ для того, чтобы донести свою мысль до слушателей. По мнению Каллиграфа, ни один святой, ни Богородица не могут быть последней инстанцией для человека, «один только Бог есть бесконечное милосердие, а кроме него никто»²⁹, что, разумеется, звучало для православных слушателей как минимум непривычно.

Оратор, во-первых, поставил в один ряд ветхозаветных праотцов и христианских святых: «праведные наши Авраам, Исаак, Иаков, Моисей, Давид и прочие сим подобны были во время свое угодникам Божиим, и теперича вечно на небе царствуют»³⁰. Во-вторых же, высказал идею преемственности Нового завета от Ветхого: «Бог как один и той же в ветхом и новом завете непременный, так не иной ветхозаконным, а другой новоблагодатным святым, но один и тот же путь ко спасению определил»³¹. Подводя итоги, Владимир Каллиграф вновь вернулся к центральной мысли всей речи: «...самый природный разум нам знать дает, что одно только прошение без исполнения воли того, которого просим, есть бесполезно: видели мы, что Бог бесконечное имеет милосердие, а святые и самая Богоматерь, хотя и очень добры, однако доброта их небесконечна, уразумели, что и ветхозаконные и новоблагодатные святые не иным образом сделались святыми, только мудрствованием Христовым»³².

Проповедь Владимира Каллиграфа, на наш взгляд, позволяет проникнуть в механизм адаптации идей православия в мировоззрение иудея. Однако лишь тот факт, что мы заранее знаем о происхождении автора, позволяет нам рассматривать данный текст в таком ключе. Обращают на себя внимание несколько важных деталей. Прежде всего, автор избирает в качестве основного лейтмотива идею, опирающуюся на пророческую литературу, являющуюся органической частью также и иудейской тради-

²⁷ Там же.

²⁸ «Не может древо зла плоды творити добры», «от совы не родятся соколы», «на вербе не растут груши», «от чистого золота не родится олово или подлой свинец» и т.д.

²⁹ РГИА. Ф.796. Оп.38. Д.341. Л.10.

³⁰ Там же. Л.10 об.

³¹ Там же. Л.11.

³² Там же. Л.13–13 об.

ции. Уподобление ветхозаветных праотцов святым угодникам, на наш взгляд, здесь также не случайно: вероятно, эта семантическая связь оказалась ключевой в понимании самого Каллиграфа. То же относится к высказанной идее о неизменности Бога в Новом завете по сравнению с Ветхим. Более того, автор, очевидно, чувствует себя более комфортно в ветхозаветном контексте: он апеллирует к образам и примерам Ветхого Завета, поскольку это наиболее близкое ему идейное пространство. Едва ли такой перевес осознавался самим проповедником.

К сожалению, нам неизвестно, знали ли в Москве и Петербурге об этническом происхождении Владимира Каллиграфа. Прекрасное знание языка, владение навыками ораторского искусства, блестящее образование едва ли выдавали в нем крещеного еврея. Во всяком случае, материалы дела не дают нам возможности с точностью сказать, сыграло ли еврейское прошлое Каллиграфа какую-то роль в его дальнейшей судьбе. Тем не менее мысли, высказанные в проповеди, вызвали продолжительные споры среди православных иерархов, усмотревших в тексте нестандартный ход мыслей. Так, епископ Илларион Крутицкий и архимандрит Гавриил Симоновский заключили, что произнесенной проповедью «простому народу за необъяснением или невыполнением во оной проповеди принадлежащих терминов некоторой соблазн мог нанести», однако Каллиграф так поступил «без умыслу в каковой своей неумышленной погрешности»³³. В то же время епископ Переяславский Амвросий, архимандрит Воскресенский, а также Новоспасский Мисаил проголосовали за отстранение Каллиграфа от должности преподавателя богословия, поскольку, по их мнению, проповедь «на чаяние всех православногрековосточной российской нашей церкви совсем противной оказалась, ибо как волк в овечьей коже, так он Каллиграф, по нарочному умышлению, при утайке, весь яд иконоборческий во многих местах той проповеди скрывая явил»³⁴. Владимир Каллиграф был вынужден принести публичные извинения и переписать проповедь, что он и сделал, после чего преподавал богословие и занимал должность префекта в Академии до 1758 года. Указом от 29 апреля 1758 г. Владимир Каллиграф был направлен «для вышепоказанного произошедшаго о нем случая» в Устюжский Архангельский монастырь архимандритом. Однако уже годом позже он приехал в Петербург «для исправления в 1759 году в Санкт-Петербурге годовой чреды», после чего был направлен в рос-

³³ Там же. Л.3.

³⁴ Там же. Л.4.

товскую семинарию, чтобы «понести ректорское послушание», а затем оказался в Спасо-Ярославском монастыре в чине архимандрита³⁵.

В Ярославле у Владимира Каллиграфа сразу не задалась отношения с местным митрополитом Арсением, о чем последний не замедлил сообщить в Синод. Митрополит довольно подробно изложил претензии, накопившиеся у него в адрес присланного архимандрита. По словам иерарха, Владимир Каллиграф не отказывался от мыслей, высказанных в проповеди, уверял, что в его речи «погрешности нет», а переписал он ее «для простых». Высказанная позиция глубоко возмутила митрополита Арсения, и он заявил, «что когда ты, говорю, свое погрешности не признаешь в оном поучении, а я тебе за христианина не признаю»³⁶. Ссылаясь на содержание проповеди, Арсений доказывает, что мысли, высказанные Каллиграфом, «как лютеранством и кальвинством, так и жидовством смердящие». Митрополит спорит и с утверждением о приравнивании библейских праотцов к святым, и с попыткой уравнивать Ветхий и Новый завет: «...которую пропозицию ежели нам принять непременно надлежит, не токмо призывание св. отцов отринуть, но и оное православное исповедание в церкви всегда поемое: преиде сень законная благодати пришедши, отставить... все же то, что в ветхом завете было не отставлять, но принимать и исполнять то на примере обрезания жертвы и прочее. И не токмо призывания святых, но и самага крещения, яко к Богоугождению и спасению нужнаго, уже будет недолжно принимать, о том нам невозможно и подумать. Того ради таковая пропозиция, что аще не крайнее жидовства утверждение»³⁷. Таким образом, в адрес Владимира Каллиграфа было высказано прямое обвинение в отступлении от православных канонов.

Логично было бы предположить, что Арсением двигала неприязнь, вызванная происхождением новоиспеченного архимандрита. Однако далее из текста доношения мы узнаем, что митрополиту ничего не известно о прошлом Каллиграфа. Позиция его в действительности рассматривается как диссидентская, противная православию, а вина самого Каллиграфа, по мнению Арсения, подобна вине обратившегося в иудаизм Александра Возницына: «...какова была некоего дворянина Возницына, которого во время государыни Анны Иоанновны в Санкт-Петербурге смертно казнили за то, что он, поехавши за рубеж, в городе

³⁵ Там же. Л.49.

³⁶ Там же. Л.32 об.

³⁷ Там же. Л.33–33 об.

тамошнем Слуцку обрезался и жидом стал, и с жидом паки оттуда в дом возвратился, с которым субботствовал и прочие их празднования и моления совершал, еще же и тайнам святым наругался, о чем сама жена его самой Государыне доносила, и когда вместе с жидом взят был ко истязанию на суд, то жид сам на очной ставке его обличал, что он подлинно обрезан и жидовскую веру принял, тако ж и лекари и перекрест дворцовой некоторой служитель об обрезании его подлинно утверждали, однако он от всего того отпирался»³⁸. Принимая во внимание все вышесказанное, митрополит Ростовский и Ярославский Арсений просил Синод «от такого волка, и врага Божия как мене, так и епархию мою свободить». После чего митрополит отстранил Каллиграфа от выполнения архимандритских обязанностей, не дожидаясь решения Синода, а самому ему приказал «знать келию да церковь»³⁹.

Между тем Синод назначил экспертизу проповеди Владимира Каллиграфа и направил дело на рассмотрение епископу Костромскому Дамаскину. Результаты экспертизы не подтвердили обвинений в «еретичестве и жидовстве». Синод не обнаружил в речи Каллиграфа ничего криминального, а посему предписал митрополиту Арсению предоставить более обоснованные обвинения, «чтобы ни в чем сомнения и затруднения быть не могло»⁴⁰. Не вытерпев, вероятно, психологического давления, Владимир Каллиграф отправился в Троице-

³⁸ Там же. Л.34 об. – Александр Возницын – фигура весьма известная в истории иудео-христианских взаимоотношений в России XVIII века. После продолжительного тесного общения с польским евреем Борохом Лейбовым, Возницын перешел в иудаизм, о чем его жена не преминула донести в Синод. После проведения оперативных допросов оба обвиняемых (Лейбов и Возницын) были сожжены на костре в Санкт-Петербурге в 1738 году (Подробнее см.: Дело о сожжении отставного морского флота капитан-поручика Александра Возницына за отпадение в еврейскую веру и Бороха Лейбова за совращение его (1738 год) / Публ. и вступление И.Ю.Маркона // *Пережитое*. СПб, 1911–1913. Т.2. Прил. С.3–48; Т.3. Прил. С.49–80; Т.4. Прил. С.81–112; «Последний инквизиционный костер в России»: Московское следствие по делу Александра Возницына и Бороха Лейбова 1738–1740 гг. / Публ. Д.Фельдмана // *Параллели: русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах*. М.: Дом еврейской книги, 2005. №6–7. Прил. С.3–87. – О Борохе Лейбове и его деятельности в России см. также: Герасимова В. К истории иудео-христианских взаимоотношений в России в первой половине XVIII века // *Россия XXI*. 2012. №1. С.160–179).

³⁹ РГИА Ф.796. Оп.38. Д.341. Л.37.

⁴⁰ Там же. Л.62–62 об.

ВЛАДИМИР КАЛЛИГРАФ

Сергиеву Лавру, однако вскоре по прибытии скончался⁴¹. Среди вещей Каллиграфа была его личная библиотека, насчитывавшая шестьдесят три книги, пятьдесят девять из них были на латыни (в их числе Библии-билингвы с параллельным древнееврейским текстом) и лишь четыре на церковнославянском языке⁴².

* * *

Разумеется, участие крещеных евреев в делах православной церкви не ограничивается лишь двумя персонажами. Однако мы не ставили перед собой цели перечислить всех клириков еврейского происхождения. Нас интересовали не количественные показатели, а те ситуации, на основе анализа которых мы можем реконструировать особенности адаптивного процесса крещеных евреев в составе православного духовенства. Трудно сказать, насколько религиозное диссидентство было характерно для крещеных евреев. В нашем распоряжении есть лишь еще один подобный пример, выявленный и описанный Е.Б.Смилянкой. Воззрения Павла Жидовина, в отличие от взглядов Владимира Каллиграфа, иначе, чем отступление от православия и богохульство, трактовать довольно сложно. Черный дьякон Павел выражал сомнение в целом ряде важнейших православных догматов: богодухновенность Ветхого и Нового завета, чудотворность мощей, а также догматы о воскресении и загробной жизни⁴³. Е.Б.Смилянская полагает, что позиция Павла Жидовина может рассматриваться в качестве пролога к спорам о вере, не утихавшим в течение всего восемнадцатого столетия, и в связи с этим встраивается в общий контекст идейных брожений и религиозного поиска в русском обществе. Однако взгляды Владимира Каллиграфа, по нашему мнению, невозможно рассматривать лишь как проявление европейского образования, полученного в Киевской академии. Тяготение к символике и топике Ветхого завета и попытку соотнесения традиций нам представляется возможным трактовать как следствие переработки прежнего культурного капитала в контексте приобретенного.

⁴¹ Умер Владимир Каллиграф 9 августа 1760 г., о чем сообщил в Синод его келейный Тимофей Иванов (РГИА Ф.796. Оп.38. Д.341. Л.78).

⁴² Список книг см.: РГИА Ф.796. Оп.38. Д.341. Л.81.

⁴³ Подробнее см.: Смилянская Е.Б. *Волибники. Богохульники. Еретики. М.: Индик, 2003. С.255–264.*